

Польский друг

рассказ

История начинается не с анекдота: анекдот разрушает, уничтожает ее. «Как Ока? — Ко-ко-ко». Конец, смех. Истории надо расширяться, двигаться.

Вот девочка прилетает в большой западноевропейский город. В одной руке — сумка, в другой — скрипичный футляр. Молодой пограничник спрашивает о цели приезда. Долго рассказывать: надо кое-кому поиграть, один инструмент попробовать... Девочка плохо знает язык, отвечает коротко:

— Тут у меня друг.

Пограничник разглядывает ее паспорт: надо же, почти сверстники, он думал — ей лет пятнадцать. А почему виза польская? Он пустит ее — Евросоюз, Шенгенское соглашение, — но она должна объяснить.

Польскую визу получить легче любой другой. После небольшой паузы девочка говорит:

— В Польше у меня тоже друг.

Пограничник широко улыбается. Ничего, главное, что пустил.

Это уже начало истории.

Девочка учится музыке лет с шести, как все — со старшего дошкольного возраста, теперь она на четвертом курсе консерватории. Ее профессору сильно за восемьдесят, всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы скрипка звучала чисто и выразительно. В целом свете не сыщешь педагога славней.

— Слушай себя, — говорит профессор. Это в сущности все, что она говорит. — Что с тобой делать, а?.. Подумаешь, она любит музыку. Вот и слушай ее на пластинках. Ну, что ты стоишь? Играй уже.

Выдерживают не все, но, в общем, выдерживают. Один и тот же прием приходится повторять годами, пока она вдруг не скажет: была б ты не такой бестолковой... Значит, вышло, и будет теперь выходить всегда.

На сегодня закончили. Девочка укладывает скрипку в футляр.

— Скажи, — неожиданно спрашивает профессор, — а на каком инструменте ты в детстве хотела играть?

Станный вопрос. На скрипке, конечно же.

Профессор как будто удивлена:

— И как это началось?

Так, объясняет девочка, на старой квартире скрипка была, восьмушка, даже без струн, и вот она повертелась с ней перед зеркалом...

Профессор произносит в задумчивости:

— Значит, твоя мечта сбылась?..

Что это было — вопрос или утверждение? И кого она вообразила себе в тот момент — не эту ли свою ученицу лет через шестьдесят? Или что-нибудь вспомнила?

Мы рассматриваем фотографии тысяча девятьсот тридцать четвертого года. На них будущему профессору десять лет. Те же правильные черты, отстраненность, спокойствие. Программка: детский концерт — Лева, Яша, она. Если бы снимки были лучшего качества, то слева на шее у каждого из детей мы бы заметили пятнышко, по нему можно опознать скрипача.

Следом еще фотографии, из эвакуации, и снова Лева, Яша, с взрослыми уже программами, еще — Катя и Додик, так и написано. «Значит, твоя мечта сбылась...» — тоже, конечно, история, но развернуть ее не получится, не нарушив чего-то главного, чего словами не передашь.

«Одной любви музыка уступает», так сказано. Уступает ли?

Вернемся к польскому другу: вскоре он опять помог девочке.

Из Европы она привезла себе редкой красоты бусы, и на вопрос одной из приятельниц (именно так, нет у нее настоящих подруг) ответила, сама не зная, зачем:

— Польский друг подарил.

Приятельница тоже скрипачка, многословная, бурная — пожалуй что чересчур. Иногда, впрочем, ей удаются яркие образы:

— Открываешь окно, а там... военный! — так она передает свои ощущения от какой-то радостной модуляции.

Замуж тут собралась, удивила профессора:

— Замуж? Она же еще не сыграла Сибелиуса!

Пришлось приятельнице к другому преподавателю перевестись.

— Рада за тебя, подруга, — отзывается она по поводу бус. — Думала, так и будешь одна-одинешенька, как полярный кролик.

Так польский друг стал приобретать кое-какое существование. А вскоре выручил, как говорится, по-взрослому.

Найти скрипку — такую, чтобы она разговаривала твоим голосом, — всегда случай. У этой, внезапно встреченной, про которую вдруг поняла, что с ней уже не расстанется, звучание яркое и вместе с тем благородное. Не писклявое даже на самом верху. Итальянская, по крайней мере наполовину, среди скрипок тоже встречаются полукровки: низ от одной, верх от другой. Нестарая — так, сто с чем-то лет. Добрый человек подарил, сильно немолодой. Много всего любопытного остается за скобками, но ни девочка, и уж ни мы тем более никогда не узнаем подробностей. Человек добрый и обеспеченный и с боль-

ной совестью, а у кого из добрых людей она не больна? Подарил с условием, что она никому не станет рассказывать.

Приятельнице тоже понравилась скрипка.

— Сколько? Для смеха скажи.

Девочка пожимает плечами: какой уж тут смех?

— Опять польский друг подарил? Да-а, страшно с такой по улице.

— А с ребенком не страшно по улице? — Приятельница уже родила.

— Никогда не любила поляков, — признается она. — Зря, получается?

Получается, зря.

— Гордые они, с гонором.

Девочка друга в обиду не даст:

— Это не гонор, — отвечает она, — это честь.

— Он приезжает хоть?

— Ничего, если я не буду тебе отвечать?

Приятельница все про себя рассказывает — и про мужа, теперь уже бывшего, и про того или тех, с кем встречается. Какие там тайны? — подумаешь, ерунда!

— Как зовут его, можно узнать? — Обиделась: — И целуйся с ним, и пожалуйста.

Так о польском друге становится известно в консерватории. Щедрый, со вкусом, есть чему позавидовать. «В тихом омуте черти водятся», говорят про девочку люди опытные. Но они ошибаются: в этом омуте нет никаких чертей.

Окончание консерватории — дело хлопотное. Хочется для экзамена по ансамблю выучить что-нибудь необычное. Девочка слушает музыку для разных составов, вот — трио с валторной, может, — его? Спрашивает у валторниста с курса, считается, лучшего:

— Знаешь такую музыку?

— Нет.

— А хочешь сыграть?

Валторнист прислушивается к себе.

— Нет.

На госэкзамене пришлось обойтись без валторн.

Теперь, когда консерватория позади, нам вместе с девочкой надо переместиться в будущее. Не только слушать, смотреть, записывать, но и угадывать, воображать. Можно ли, например, было предвидеть будущее детей с той фотографии тридцать четвертого? Вероятно, да. Потому что, во-первых, случайностей нет, а во-вторых, судьба — одна из составляющих личности, ее часть.

Конечно, многие внешние обстоятельства угадать нельзя. Пусть случайностей нет, но неопределенность, и очень большая, имеется. Например: сохранится ли наша сегодняшняя страна? Ее предшественница при всей своей мощи оказалась недолговечнее обыкновенной скрипки, для которой семьдесят лет — считай, ничего, несерьезный возраст, семидесятилетние инструменты выглядят совершенно новыми, ни одной трещины, мастера даже их пририсо-

ывают иногда. Теперь нам кажется, что стране нынешней, наследнице той, в которой выросли Лева с Яшей и Катя с Додиком, не уготована длинная жизнь, трещинам на теле ее нет числа, и она распадется, рассыплется, хотя, возможно, получится и не так. Не надо выдумывать, пусть история сама развивает себя.

Или вот: новая техника. Зачем уделять внимание вещам, которые обновляются столь стремительно? Лева с Яшей прожили жизнь, ничего не узнав о компьютерах, и, говоря откровенно, вряд ли хотели бы знать. До совершенства всем этим штукам еще далеко, имеет ли смысл разбираться в том, как они устроены? Опять-таки: на чем станут люди перемещаться лет через тридцать, к окончанию нашей истории? С помощью каких устройств будут переговариваться, на чем слушать музыку? Не хочется фантазировать, да и не все ли равно?

Кое в чем мы, однако, уверены. Смычки будут по-прежнему обматывать серебряной канителью или китовым усом, в колодки — вставлять перламутр, а на детских скрипках, восьмушках и четвертушках, не перестанут появляться тонкие дорожки соли, от слез: дети играют и плачут, не останавливаясь, не прекращая играть.

На серьезные вещи — на политику, экономику — музыка влиять не начнет, а если и поучаствует в них, то по касательной, косвенно. Выяснилось ведь недавно, что, когда дети находились в эвакуации, производитель роялей «Стейнвей» договорился с американским командованием, и оно разбомбило «Бехштейн», конкурента, разнесло его в пыль, до последней клавиши. Наивно себе представлять мировую историю как соперничество фортепианных фабрик, тем более что ни «Ямаха», ни «Красный октябрь» ни в чем таком не замешаны. Зато приблизительно в те же дни рябое низкорослое существо отпустит шуточку в адрес германского друга, бывшего: у него, скажет он, — Геббельс, а у меня — Гилельс. Чувства, которые вызывает эта острота, убеждают нас в ее подлинности, в том, что именно он ее произнес.

Впрочем, за этой политикой мы уклонились от главной темы — отношений девочки с польским другом. Рывками и с повторами история идет вперед.

Поездки, поездки — на фестивали, на конкурсы: не жизнь, а сплошной рев турбин, стук колес, вряд ли за следующие десять-пятнадцать лет возникнут новые виды транспорта. После тридцати двух уже не играют на конкурсах, но появляются первые ученики. Разумеется, будет всякое, человеческое, как в любом деле, но не они решают — не интриги, скандалы и закулисные договоренности. В чем разница между скрипачом, который, стоя перед оркестром, исполняет концерт Сибелиуса, и теми, кто ему сидя аккомпанирует? — они тоже умеют этот концерт играть. Уровень притязаний, личности? Говорят: судьба — но это ведь все равно как ничего не сказать.

По возрасту вовсе не девочка, она сохранит, закрепит что-то детское в своем облике. Артисту необходима поза — слово нелестное для профессии, зато точное. Хирургу, учителю, даже военному — им тоже требуются, как угодно: молодцеватость, индивидуальное отношение, — а уж артисту без позы не обойтись. И большая удача, если твоя фигура, тонкая, чуть угловатая, и дет-

ское выражение лица соответствуют тому, что ты делаешь, если в тебе самой от игры возникают и радость, и свежесть, и удивление.

Итак, она музыкант — прекрасно наученный, с маленькой тайной, о наличии польского друга, кажется, знают все. И даже если у нее появятся дети и муж — должны появиться, куда же без них? — хотя при такой сосредоточенности на игре, на штрихах, интонации, можно и правда остаться одной — так вот, даже им она не раскроет тайну. Улыбнется, не станет рассказывать, да никто и не спросит ее ни о чем.

Дача, дом на Оке. Примерно месяц в году это большая река. По утрам она ходит смотреть на разлив: на желтоватую воду, на торчащие из воды прутьи. Удивительно, с каким постоянством ежегодно воспроизводится эта жалкая красота.

— Как Ока? — спрашивает приятельница, только проснулась. Позаниматься приехала, у нее осложнения: конкурс надо сыграть в оркестр, чтоб не выперли. — Может, для смеха вспомнить Сибелиуса?

Очень вышла из формы с окончания консерватории. Кладет инструмент:

— А давай выпишем Рому с Виталиком, как ты думаешь? Шашлычков поедим, поговорим за жизнь. Можешь с Ромой меня положить, а можешь с Виталиком. Тебе кто больше нравится?

Очень заманчиво, но, увы. Должен явиться один человек...

— Польский друг? Я смотрю, это серьезно у вас.

Да уж, серьезнее некуда.

— Надо, выходит, и мне отчаливать. Не хочется твоему счастью мешать.

— Доброе у тебя сердце, — скажет она приятельнице на прощание.

— А ума нет совсем, — засмеется та.

Приятельница уедет, а она в тот день будет смотреть на весеннее небо и на деревья. Поиграет не много, но хорошо: навыки, приобретенные в ранней молодости, не теряются. Еще, конечно, умение слушать себя.

Предложения, аналогичные этому, с шашлычками, с Ромой-Виталиком, часто к ней поступают в поездках — там легко образуются связи, которые трудно потом развязать. Но не в одних лишь делах практических выручает ее польский друг. И не то что она забудет, что он — только выдумка для приятельниц, пограничников или, скажем, заинтересуется польской культурой как-то особенно, или станет учить язык: поляки, которых ей придется встречать, и правда окажутся с гонором. Да и виза польская давным-давно кончится. Евросоюз, Шенгенское соглашение — кто знает, что с этим Евросоюзом произойдет?

Человек разумный не верит фантазиям, но то, о чем говорят десятилетиями, тем более шепотом, приобретает важнейшее свойство — быть. Так легенды — семейные и общенациональные — начинают если не исцелять, то во всяком случае утешать. Лет с сорока (ее лет) польский друг станет ей иногда сниться, а верней — грезиться. Ни имени, ни голоса, ни лица, так — что-то неопреде-

лимо-приятное. Утром, незадолго до пробуждения. Если польский друг появляется накануне важных концертов, значит, все пройдет хорошо.

С годами количество этих самых концертов несколько снизится, зато станет больше учеников. Педагогический дар у нее не такой мощный, как у профессора, да и детей она предпочитает хвалить. И хотя в похвалах ее есть оттенки, и очень существенные, слез в ее классе проливается меньше, чем во времена Кати и Додика. Все равно какой-то уровень влажности неизбежен, даже необходим.

К окончанию нашей истории музыкальный мир вряд ли сильно расширится. С миром взрослым, миром производительных сил и производственных отношений, музыка будет вести все то же параллельное существование. Немолодая уже женщина, она опять прилетает в западноевропейский город — тот, с которого все началось. Фестиваль камерной музыки, очень привлекательный вид музицирования, и для участников, и для слушателей: уютный зал, всегда полный, программа отличная — счастье, когда зовут в такие места.

Сохранятся ли через тридцать лет бумажные ноты? — и без них много всего надо везти с собой: скрипку, смычки, канифоль, струны, одежду концертную. Польский друг не объявлялся давно, но размышлять о нем некогда, на сцену приходится выходить каждый день. Все играется с одной репетиции, максимум с двух, без ущерба для качества — настолько высок уровень исполнителей. Утром порепетировать, днем отдохнуть, вечером посмотреть на партнеров, одного или нескольких, кивнуть: с Богом, вытереть руки платком перед самым выходом — и сыграть.

Дело идет к развязке, последний день. Трио с валторной, то самое, наконец-то она сыграет его, да еще заключительным номером. И валторнист изумительный, так говорят — она его раньше не слышала.

Что-то он, однако, опаздывает на репетицию. Они с пианистом, рыжим стареющим мальчиком, давно ей знакомым, посматривают свои партии, ждут. Наконец дверь отворяет некто с альтом: их разве не предупредили? — все сдвинулось. — А валторнист? — Съел вчера что-то несвежее, но к концерту поправится. Валторнисты любят поесть, им это требуется для вдохновения, для дыхания.

Альтист улыбается. Его вызвали только с утра, но он эту музыку знает, всегда мечтал поиграть в их компании, надеется никого не разочаровать. Впрочем, он и нужен только для репетиции. Высокий, немножко седой — ладно, не время разглядывать, уже задержались на час.

Начинают играть. Очень скоро оказывается, что эту музыку она себе представляла именно так. С конца первой части в ней поднимается радость, особенная, из каких-то неизвестных отделов души, ничего похожего прежде не было. Надо следить за музыкой, не за радостью, слушать себя и других, но радость присутствует и растет.

Музыка имеет дело с едва различимыми длительностями. Ритм, даже не ритм — метр, биение пульса, самое трудное — добиться того, чтобы был оди-

наковый пульс. Остальное — громче-тише, штрихи — поправить было бы проще, но и тут ничего поправлять не требуется: хорошо у них получается, прямо-таки пугающе хорошо.

В звуке альт много страсти, тепла, желания поговорить о важном, о главном, узнать про нее, о себе рассказать. Скрипка ему отвечает:

— Смотри на деревья и небо и меньше думай о важном, — приблизительно так.

Доиграли, выдохнули. Пианист подает голос:

— Там, где трели, я не очень мешал?

Нет, он вообще не мешал.

— Между прочим, у меня в этом месте соло. Можно, наверное, повторить?

Они переглядываются — альт и она: можно, но мы не станем этого делать, лучше уже не получится.

Немец польского происхождения. Всю свою жизнь он провел в этом городе. И ее видел, девочкой, на прослушивании в школе музыки, он тогда тоже на скрипке играл. Подойти не решился. Дела у него обстояли неважно, пока не перешел на альт. Теперь в здешнем оркестре работает. Здесь приличный оркестр. А играла она замечательно, чисто и выразительно, он всю программу ее может назвать.

Руки у него большие, красивые, круглые, и, как у нее, до крови содрана кожа возле ногтей, надо же — даже невроз у них одинаковый. Он провожает ее до гостиницы и говорит, говорит. Он придет ее слушать вечером, а после концерта... После концерта имеет честь...

Никогда не знала, где сердце находится. В горле, вот оно где.

Проводил, поклонился, ушел. Стало быть, он... вон он какой. Мысли беспомощные, бессвязные. Вечером, после концерта... Радость, где радость? Куда-то ушла.

Она сидит на кровати, замком от футляра щелкает. Польский друг, польский друг. Значит, мечта сбылась? Что-то сердце не успокаивается.

Вдруг: где смычок? Ужас, смычок посеяла! Вспотевшая, красная, мчится в зал, в котором они репетировали, лишь бы не встретить ЕГО, понятно кого, не сразу находит нужную дверь, все у нее разлетается в стороны.

Приходилось ей всякие мелкие вещи терять — ключи, украшения, тот же паспорт, и даже крупные — чемоданы, например, пропадали, и не один раз, но смычок — такого еще в ее жизни не было. Слава Богу, нашла, на рояле лежал.

Все на месте, казалось бы. Не зная зачем, она звонит устроителям. Чего уж там? — страшно, страшно ей.

— О, — устроители рады, — как раз собирались на вас выходить. Валторнист совершенно оправился. Посмотрите с ним текст, пожалуйста, уделите ему часок.

— Нет, — она едва сдерживается, чтобы не плакать. — Невозможно, нельзя!

Она знает, она сама выбрала, но меньше всего ей хочется играть именно эту музыку. Что-то она произносит, противореча себе: про то, что дома дела, что разболелось плечо. Зачем они говорят про контрактные обязательства? Ни

один номер не отменялся из-за нее, никогда, правда ведь? Она просит их вызвать водителя, пусть дадут ей уехать тихо, придумают что-нибудь.

И только по дороге в аэропорт чуть-чуть успокаивается. «Одной любви музыка уступает», вертится в голове. Кто, кому тут и что уступил?

В самолете она сядет у окна: деревьев, конечно, не видно, зато неба — хоть отбавляй. Вернется домой — Бог знает, как страна ее будет к тому времени называться. Мы, впрочем, говорили уже о стране.

Спустя день или два войдет в класс, посмотрит на ученицу, скажет:

— Ну, что ты стоишь? Играй.

июнь 2013 г.